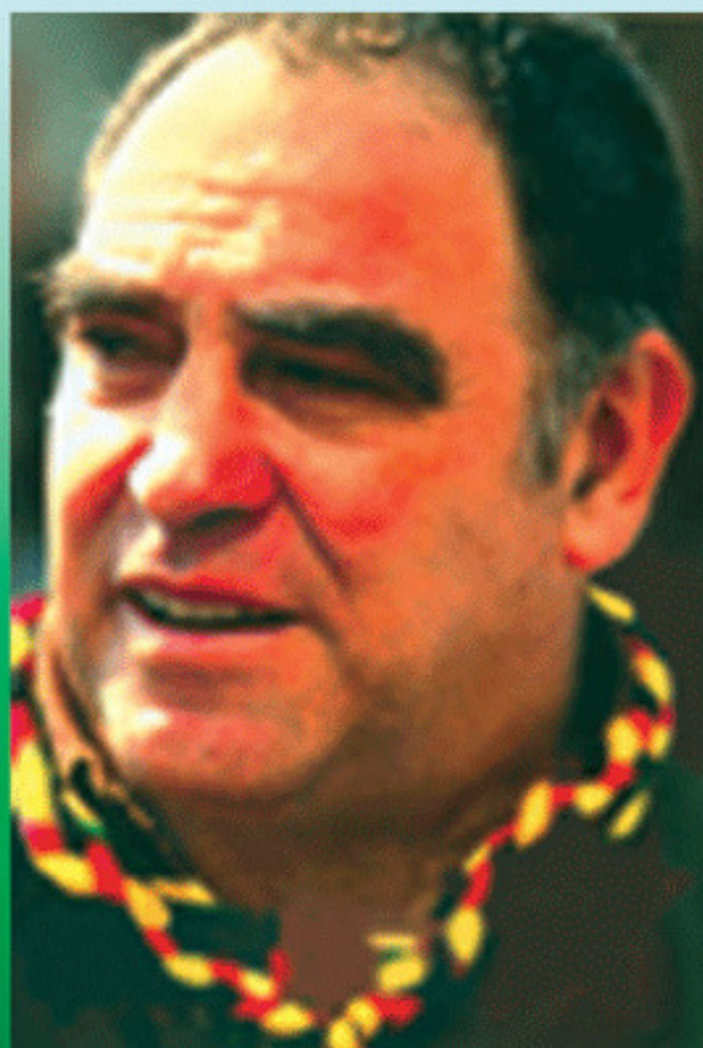

Ронни Касрилс

ВООРУЖЁН И ОПАСЕН

от подпольной борьбы к свободе

Ронни Касрилс

**Вооружен и опасен. От
подпольной борьбы к свободе**

«ИТРК»

2005

Касрилс Р.

Вооружен и опасен. От подпольной борьбы к свободе /
Р. Касрилс — «ИТРК», 2005

[<p id=" __GoBack">](#)Книга Ронни Касрилса – первое издание на русском языке, приоткрывающее занавес тайны над деятельностью спецслужб Африканского национального конгресса (АНК). Автор – активный участник подпольной борьбы против режима апартеида, ставший начальником военной разведки АНК, повествует без всякого вымысла о захватывающей подпольной деятельности, о реальных событиях своей жизни, не уступающей по остроте восприятия «шпионским» книгам. Книга, написанная живым и доступным языком, рассчитана на массового читателя.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Обращение к российскому читателю	8
Пролог. Глядя через плечо	10
Часть первая. Начало, 1938-63 гг.	16
Глава 1. Бойня в Шарпевилле	16
Глава 2. Движение	22
Глава 3. Копьё	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ронни Касрилс

Вооружен и опасен. От подпольной борьбы к свободе

© Ронни Касрилс 2005

© пер. Тетёкин В. Н. 2005

© пер. Тетёкин Н. Н. 2005

© ИТРК, 2005

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие к русскому изданию

Это необычная книга о необычных событиях. Её написал Ронни Касрилс, который с 1983 по 1988 год был начальником военной разведки Африканского национального конгресса (АНК) Южной Африки. Немалая часть книги была написана в подполье, когда Р. Касрилс, тайно вернувшийся в ЮАР после почти тридцати лет эмиграции, несколько месяцев скрывался от преследований полиции.

Я хорошо знаю Ронни Касрилса и горжусь знакомством с ним. В 1976–1981 годах я был послом Советского Союза в Замбии, где располагалась штаб-квартира АНК, и мы много раз встречались. Это один из немногих белых южноафриканцев, которые ещё в начале 60-х годов отказались от привилегий, гарантированных любому белому, и включились в борьбу на стороне чёрного большинства. Через 25 лет он стал членом Национального исполкома АНК и членом руководства Южноафриканской компартии. После ликвидации режима апартеида в 1994 году он был назначен заместителем министра обороны, а затем министром лесного хозяйства и водных ресурсов. В 2004 году Р. Касрилс стал министром разведывательных служб ЮАР.

Изначально он не был ни политическим активистом, ни, тем более, коммунистом. Он происходит из семьи, где политикой не интересовались. Поэтому в книге интересна эволюция взглядов поначалу вполне обыкновенного белого южноафриканца, который сначала спонтанно, а затем всё более осознанно выступил в поддержку угнетённых чёрных южноафриканцев и включился в легальную, а потом подпольную, вооружённую борьбу.

Западные политики и пресса многие десятилетия называли членов АНК «террористами», хотя эта старейшая в Африке организация, возникшая ещё в 1912 году, вплоть до 1961 года не прибегала к насилию. Однако пришедшее к власти в 1948 году очередное правительство белого меньшинства объявило «прокоммунистическими» организации, выступающие против апартеида, а в 1960 году запретило АНК. Ещё раньше, в 1950 году, была запрещена Коммунистическая партия Южной Африки. Жестокость, с которой подавлялись все виды протеста, неизбежно вызвала стремление ответить на силу силой. Так в 1961 году возникли вооружённые формирования АНК «Умконто ве сизве» («Копье нации»). Ронни Касрилс стал одним из первых бойцов «Умконто».

АНК и «Умконто ве сизве» почти три десятилетия называли «рукой Москвы». Это неправда. Но оружие АНК, действительно, получал только из СССР, ГДР и других социалистических стран. Там же обучались бойцы и командиры. Советские и кубинские военные готовили бойцов в лагерях АНК в Анголе. Африканцам в ЮАР был запрещён доступ к оружию и к военным знаниям. Поэтому применение бойцами АНК современного оружия против армии и полиции ЮАР имело огромное значение, показывая людям, раздавленным полицейской машиной ЮАР, что сопротивление возможно.

Обстрелы ракетами «Град» советского производства знаменитого завода по производству горючего из угля «Сасол» и крупнейшей военной базы «Фортреккерухте» около столицы ЮАР Претории произвели сенсацию не только в Южной Африке, но и во всём мире. А «Калашников» (АК-47) стал для чёрных жителей ЮАР символом национального освобождения.

Широкая поддержка АНК со стороны СССР давала западным и южноафриканским политикам и прессе предлог кричать о «коммунистической угрозе». Дело, однако, обстояло так: в 1962 году Нельсон Мандела нелегально выезжал в Африку и Западную Европу, чтобы заручиться поддержкой вооружённой борьбы. (Мало кто знает, что лауреат Ленинской и Нобелевской премий мира Н. Мандела был осуждён на пожизненное заключение именно за организацию вооружённой борьбы.) В Африке согласились помочь, но у них были крайне малые возможности. Западная Европа отказала АНК начисто. После этого лидеры АНК обратились за

помощью к Советскому Союзу. Ронни Касрилс входил в состав одной из первых групп, отправившихся в 1964 году на военную подготовку в СССР.

Затем он действовал в самых тяжёлых и опасных местах, в частности, в Мозамбике, а так же в Свазиленде, где в 80-х годах спецслужбы ЮАР чувствовали себя как дома и вели себя чрезвычайно жёстко. Даже просто выжить там было сложнейшей задачей. Ронни Касрилс же был одним из самых активных организаторов и участников боевых операций.

К середине 80-х годов АНК проводил до 180 операций в год (по сравнению с 20–30 в конце 70-х годов). И их проводили не супермены или фанатики, а нормальные люди с обычными чувствами по поводу разлуки с детьми и родителями, болезни близких, утраты боевых друзей. Однако движимые мощным и благородным стремлением защитить свой народ, они проявили величайшую изобретательность и мужество в борьбе с полицией безопасности, напичкавшей своей агентурой всё, вплоть до самых крохотных деревушек.

И делали они это с огромным риском для жизни. Для бойцов АНК попасть в руки полиции безопасности означало страшные пытки и, очень часто, смерть. Опасаясь гнева мирового сообщества, симпатизировавшего АНК, власти почти не выносили смертные приговоры. Активисты гибли, «поскользнувшись на куске мыла в душе», «упав с лестницы», «от сердечного приступа», «при попытке к бегству», от рук «неизвестных» бандитов. Люди гибли от бомб, присыпаемых по почте. А то и просто бесследно исчезали.

Убийцы настигали руководителей АНК даже в европейских столицах. В Париже была застрелена на пороге своего дома представитель АНК во Франции Далси Септембер. Мощная бомба была взорвана у дверей представительства АНК в Лондоне. В 80-х годах только за пределами ЮАР от рук полиции безопасности и военной разведки ЮАР погибло не менее ста руководителей и активистов АНК. В самой же Южной Африке активисты АНК гибли тысячами.

Но вооружённая борьба не остановилась. Она стала одной из главных причин, почему режим белого меньшинства был вынужден пойти на переговоры, закончившиеся всеобщими выборами 27 апреля 1994 года. В них впервые в истории Южной Африки приняли участие все жители этой страны – и белые, и чёрные – и они завершились полной победой АНК, за который проголосовало 62,5 % избирателей.

Наша страна – Советский Союз – внесла немалый вклад в эту победу. Читателю будет особенно интересна глава книги о подготовке бойцов АНК в СССР. С другой стороны, Р. Касрилс вскрывает методы деятельности спецслужб ЮАР, действовавших рука об руку со спецслужбами Великобритании и США. В частности, за арестом Нельсона Манделы в 1962 году стояло ЦРУ, которое располагало в ЮАР сетью агентов, и смогло «вычислить» Манделу. ЦРУ «поделилось» информацией с полицией ЮАР и... и Мандела провёл 27 лет в тюрьме. Сейчас этот факт замалчивается, но, как говорится, «шила в мешке не утаишь». И после 1994 года спецслужбы Запада не изменили своего негативного отношения к АНК. Р. Касрилс подробно рассказывает о провокации, устроенной ФБР, которое попыталось обвинить его в деятельности против США.

Я приветствую выход этой интереснейшей книги на русском языке и убеждён, что читатель узнает много нового о наших друзьях в Южной Африке, боровшихся и победивших.

Член-корреспондент РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (в отставке)

В. Г. Солодовников

Владимиру Шубину, Вячеславу Тетёкину и бесчисленному множеству советских и русских товарищей, столь беззаветно помогавших освобождению Южной Африки.

Обращение к российскому читателю

Я глубоко счастлив, что эта книга выходит на языке Пушкина. Мне вспоминается русская речь, когда беседовали между собой мои деды и бабушки – выходцы из Литвы и Латвии. Это было в 40-х годах XX века в Йоханнесбурге, когда я ходил ещё в первые классы начальной школы. Как и многие евреи, эмигрировавшие из Прибалтики, Польши, Одессы, они бежали от погромов в царской России. Тысячи таких беженцев осели в Южной Африке. Но какими бы печальными ни были их воспоминания о царской империи, они горячо выступили в поддержку Красной Армии, когда стала вздыматься волна отважного сопротивления гитлеризму.

В те времена, когда дедушка по материнской линии обучал меня русским фразам, даже в самых смелых мечтах я не мог представить, что когда-нибудь побываю в этой великой стране... Вот какие мысли приходили на ум, когда я впервые летел над заснеженными лесами, приближаясь к аэропорту «Шереметьево» в январе 1964 года. Но это была не туристская поездка! Я ехал на учёбу в военное училище в Одессе, где присоединился к двумстам другим южноафриканцам – курсантам Африканского национального конгресса (АНК), лидер которого Нельсон Мандела только что был осуждён на тюремное заключение в ЮАР.

Эта книга – рассказ о борьбе Южной Африки против апартеида, особой разновидности колониализма, возникшей в моей стране, где пришлое белое меньшинство несколько столетий господствовало над коренным чёрным большинством. Апартеид – это особая форма колониализма, ибо белые правители жили на той же земле, что и порабощённое население.

Мой дед по отцовской линии Натан Касрилс, родом из Вильнюса, был на стороне буров-республиканцев в войне 1899–1902 гг. против британских империалистов, пытавшихся подчинить себе весь юг Африки. Как Россия поддерживала справедливое дело буров, так во времена Советского Союза она поддерживала справедливое дело угнетённого чёрного большинства. Это было важно для меня как лично, так и в более широком аспекте борьбы за свободу всего народа Южной Африки.

Наша долгая борьба против апартеида основывалась на четырёх опорах, сочетание которых обеспечило нам победу. Это массовые политические акции, подпольная деятельность, вооружённая борьба и международная солидарность. Решающую помощь мы получали из Советского Союза и из стран социалистического лагеря. Россия, которая была ядром этого содружества, взаимодействовала с нами по всем четырём направлениям.

Именно туда, в условиях, когда все мирные способы протеста были запрещены, мы смогли обратиться за помощью в обучении в военной и подпольной областях – за оружием, материальным обеспечением и знаниями, без которых мы никогда бы не смогли по-настоящему бросить вызов могуществу и ресурсам апартеида, поддерживаемого Западом.

Наша способность организовать вооружённую борьбу против апартеидных сил безопасности и промышленной инфраструктуры страны в сочетании с подпольным голосом сопротивления, в свою очередь, вдохновила на единство и борьбу наши народные массы. Этому способствовала и мощь международной солидарности – как в ООН, так и через осуждение апартеида на всех пяти континентах. И голос Москвы звучал поистине мощно.

Поэтому неизбежно, что многие страницы этой книги посвящены широким взаимосвязям южноафриканского освободительного движения с Россией. Я был вовлечён в эти связи, начиная с 60-х годов и в течение последующих трёх десятилетий вдохновляющую поддержку мы получали до ликвидации апартеида в 1994 года – до наших первых демократических выборов.

История движется широким шагом и, конечно, в мире многое изменилось. И хотя многие уже ушли от нас, к счастью, остались ещё живые участники нашей борьбы с апартеидом. Это замечательные люди, такие, как бывший директор Института Африки Академии наук СССР,

затем посол СССР в Замбии Василий Солодовников, Владимир Шубин, профессор Аполлон Давидсон и Вячеслав Тетёкин, которые в те годы работали в МИД СССР, Международном отделе ЦК КПСС, в Советском Комитете солидарности стран Азии и Африки, и которые в те очень непростые годы являли пример оптимистично настроенных русских, представлявших партию, государство и народ в непоколебимой поддержке антиапартеидной борьбы.

Их горячо любят и рядовые южноафриканцы, и те, с кем они непосредственно имели дело – от президентов Нельсона Манделы и Табо Мбеки до членов правительства, генералов и огромного числа офицеров всех рангов, врачей и специалистов различных профессий, о которых они заботились в ходе обучения их в СССР.

Как я вспоминаю в этой книге, Владимир Шубин был для нас «крёстным отцом» и между собой мы звали его «товарищ Можно», поскольку, казалось, он мог выполнить любую просьбу. Недавно он был награжден высшей для иностранцев наградой Южной Африки – он стал кавалером Ордена сподвижников Оливера Тамбо. Ещё раньше этим орденом был награждён Василий Солодовников.

Демократическая Южная Африка и Российская Федерация должны смотреть в будущее, в котором мы создаём взаимовыгодные отношения. Но было бы недопустимым упущением, если бы мы не вспомнили о прошлом, о той бесценной роли, которую сыграли Советский Союз и КПСС, в те времена отвечавшие на просьбы южноафриканского освободительного движения.

Первое издание книги вышло в 1993 году, когда ещё только приближались общенациональные выборы, на которых избиратели отдали власть АНК. В следующее издание добавлено описание моей работы в правительстве, сначала в роли зам. министра обороны, затем в роли министра водного и лесного хозяйства. Позднее, в 2004 году, я стал министром разведывательных служб.

Книга была переведена на немецкий (в 1998 году) и испанский (в 2004 году), а теперь – я думаю, это вполне закономерно – она выходит на русском. Этим я обязан моему дорогому другу Вячеславу Тетёкину – известному как «товарищ Слава» не только в Южной Африке, но и во многих других местах, имевших отношение к нашей борьбе. Впервые мы встретились в середине 1980-х годов, когда он работал в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки. Он выполнил перевод с английского и хлопотал в поисках издателя книги в эти непростые времена. Я в долгу перед ним за эту работу, потребовавшую многих сил.

Верю, что русские читатели, особенно молодые и неосведомлённые, узнают о борьбе против апартеида и это поможет им глубже понять выдающийся вклад вашей страны в ту далёкую, но гигантскую борьбу. Пусть же на этой основе укрепляются отношения между нашими двумя странами и народами.

*Ронни Касрилс
Москва, август 2005 года.*

Пролог. Глядя через плечо

Начало 1990 года. Возвращение в Южную Африку

В конце 1989 года в шумном аэропорту одного из средиземноморских городов я сел на самолёт, выполнявший международный рейс в Йоханнесбург. После 27 лет (более половины жизни), проведённых в изгнании, я возвращался домой.

Мне было чуть больше 50 лет, но я выглядел старше. Дело было не в том, что прошедшие годы оказались для меня недобрыми. Меня старил мой грим. Я выглядел как бизнесмен, возможно, как бизнесмен греческий или итальянский. Волосы были покрашены в чёрный цвет, хорошо сшитый костюм и соответствующий портфель. С годами я прибавил в весе, достигнув почти 90 килограммов, о которых мечталось в детстве (но, к сожалению, не роста 1 метр 80 сантиметров). Волосы у меня начали редеть на макушке и я подчеркнул процесс облысения, высоко подбравая их сзади. Я отрастил усы и подстриг свои слишком приметные брови.

«После того, как ты изменил внешность, ты должен замедлить движения». Это был последний совет Элеоноры, когда я отправлялся из лондонского аэропорта Хитроу на первом этапе моего путешествия, ещё находясь в своем обычном облики. «Запомни, на следующей остановке ты должен превратиться в 60-летнего человека».

Моя жена Элеонора жила в Лондоне с нашими двумя сыновьями, пока я работал на Африканский национальный конгресс (АНК) в его штаб-квартире в Лусаке. Поскольку Элеонора сама имела опыт подпольной деятельности, она хорошо понимала, с каким риском мне предстоит столкнуться. Мы быстро обнялись, чтобы не привлекать к себе внимание окружающих. Мы совершенно не представляли, когда нам вновь доведётся встретиться, и пытались скрыть друг от друга своё волнение.

Путешествие моё началось за несколько месяцев до этого в Лусаке, в небольшом офисе Оливера Тамбо – тогдашнего президента АНК.

Штаб-квартира организации размещалась в тесном одноэтажном здании в центральной части замбийской столицы. Тамбо сидел за большим столом, аккуратно уставленным стопками документов и папок. Его кабинет был заполнен фотографиями, дипломами и сувенирами, подаренными ему за три десятилетия поездок по миру.

Тамбо вносил поправки в какой-то документ. Его сосредоточенность впечатляла, писал ли он или слушал. Его погружённость в документ позволила мне, не выглядя неуважительно, рассмотреть знакомые черты лица, седые бакенбарды и характерные усы. Его щёки в соответствии с традициями клана Мпондо¹ были с обеих стороны прочёркнуты несколькими вертикальными линиями шрамов, которые наносятся на кожу ещё в детстве и которые, как считается, придают человеку силу. Он был аскетом, жил очень скромно, и рубашка в стиле одного из африканских племён была единственной его уступкой какой-либо изощрённости.

Он поднял глаза и тепло, почти по-отечески поприветствовал меня. Мы пожали руки и обменялись любезностями. Поскольку я думал, что он вызвал меня, чтобы узнать о ходе подготовки документа, который я готовил для него, то начал излагать ему состояние дел.

– Нет, нет, разговор не об этом, – негромко сказал он.

Глаза у него беспокойно задвигались, что было его характерной манерой, когда он хотел сказать что-то особенно важное и срочное, но не находил подходящих слов. После длинной паузы он провёл пальцем окружность в воздухе, давая понять, как это всегда бывало в случаях, когда разговор имел конфиденциальный характер, что нас, возможно, подслушивают.

¹ Одного из кланов крупной южноафриканской этнической группы – коса. – Прим. пер.

Он написал на чистом листе бумаги «Операция Вула» и поднял глаза на меня. Затем он написал «подпольная группа руководителей дома». Он несколько раз подчеркнул слово «дома»². («Вула» на языке зулу означает «открыть» и является сокращением от слова «вулиндлела» или «открыть дорогу»). Именно это было полным названием операции).

Постукивая пальцами по листу бумаги, он продолжил вслух: «Группа людей уже на месте, они уже успешно работают. Сообщение, которое мы получили от... – и он написал «Манделы» (который по-прежнему был в тюрьме), – пришло по их каналам связи». Он посмотрел на меня: «Они просят прислать Вас».

Я ждал этого момента. В течение ряда лет мы стремились укрепить наши подпольные структуры и расширить вооруженную борьбу против мощного и умелого противника. Мы часто говорили друг другу, что нам не хватает внутри страны членов высшего руководства, связанных с нарастающим массовым движением и способных принимать решения на месте. Хотя возможность переговоров с правительством Претории увеличивалась, но общее ощущение шансов на продвижение в этом направлении было неопределённым, и АНК оставался запрещённой организацией. С усилением народного движения протеста большинство наших активистов говорили, что теперь укрепление подпольного руководства необходимо больше, чем когда бы то ни было.

Тамбо хотел дать мне время подумать. Но я заявил, что готов. Тем не менее я должен был согласиться с тем, что мне нужно сначала привести в порядок текущие дела. Тамбо был обрадован моим ответом и тепло обнял меня. Это был незабываемый момент.

Незадолго до этого, в ходе тяжелейшей поездки по ряду африканских стран, где он информировал их правительства о возможных переговорах и тех предварительных условиях, которые должен будет выполнить режим Претории, он перенёс инсульт...

Из лондонского аэропорта Хитроу я вылетел в одну из европейских стран, встретился в надёжном месте с друзьями и с их помощью изменил свою внешность. Из южноафриканского беженца, лица без гражданства с выданным МВД Великобритании документом ООН, я превратился в респектабельного обладателя паспорта одной из стран Европейского Сообщества.

И по сегодняшний день те, кто помогал мне, предпочитают оставаться в неизвестности. Они наблюдали за мной из укромного места, пока я проходил паспортный контроль.

Наконец самолёт взлетел. Это был беспосадочный полёт. Мы должны были приземлиться в йоханнесбургском аэропорту Ян Сматс на следующее утро. Я откинулся в кресле, высоко над африканским континентом, убаюкиваемый шумом двигателей и болтовней пассажиров. Я сумел неплохо отдохнуть за ночь и, благодаря гостеприимству понимающей стюардессы, «заначить» две миниатюрных бутылочки виски. Я не претендую на звание «человека со стальными нервами» и давно обнаружил, что в особых случаях 100 граммов алкоголя приводят меня в нужное (без перебора) состояние. Моё предстоящее прибытие в аэропорт Ян Сматс несомненно было одним из этих случаев.

«Сто грамм водки» было русской «микстурой», принимаемой их солдатами за полчаса перед боем. Некоторые утверждали, что это было секретом их победы над Гитлером. Мои русские друзья всегда настаивали, что это должно было быть именно 100 граммов и их необходимо было принимать точно за полчаса.

Йоханнесбург и похожие по цвету на дюны отвалы шахт Витватерсранда (район шахт к востоку и западу от Йоханнесбурга) выглядели нереальными по мере того, как они поднимались из плоского ландшафта высокого плато, а самолёт опускался в них из чистого неба. Проблема заключалась в том, что я не рассчитал время прибытия. Вместо того, чтобы «принять» спиртное в цивилизованной манере точно за полчаса до прилёта, я должен был спешно глотнуть виски в самый последний момент.

² Во внутренней терминологии АНК «дома» означало «в Южной Африке». – Прим. пер.

Когда мы выходили из самолёта, я почувствовал одновременно напряжённость и приподнятость, как будто должен был появиться на сцене перед зрителями. Я непрестанно думал о первых словах, с которыми обращусь к служащему паспортного контроля. Я вспомнил о необходимости замедлить движения, как инструктировала меня Элеонора, но с большим облегчением получил обратно проштемпелёванный паспорт без единого вопроса.

– Welkom in Seth Efrika»³, – сказала, сладко улыбаясь, чиновница с претенциозной причёской.

Я забрал свой багаж, поставил его на тележку и двинулся к таможене. Прыщавый таможенник остановил меня. Он был так молод, что мне подумалось, что сегодня, должно быть, он впервые вышел на работу. Он указал на мой портфель и спросил, что находится внутри.

– Да всего лишь несколько документов и журналов, – ответил я.

Он внимательно просмотрел содержимое – деловую и туристическую литературу вперемишку. Главный вопрос, который крутился в моей голове, был: означает ли это обычную проверку или за этим должен был последовать тщательный досмотр. Если они хотели просто «понюхать» меня, рассуждал я, вряд ли они использовали бы такого неопытного юнца. Именно в этот момент, когда всё в груди сжалось, хотя я и пытался выглядеть равнодушно, я пожалел о том, что не перелез вместо всего этого через пограничное ограждение. В конце концов, удовлетворённый тем, что я не пытаюсь провезти запрещённые материалы (я подозревал, что он, возможно, надеялся найти экземпляр журнала «Плейбой»), таможенник отпустил меня.

Скоро я уже ехал в такси, сгорая от возбуждения, но посматривая через зеркало заднего вида в поисках признаков «хвоста». Очертания города, подступающего к аэропорту вдоль загруженной машинами системы скоростных дорог, соответствовало моему оптимистическому настроению. Вдали виднелась шеренга высотных домов из стекла и бетона – центр Йоханнесбурга, обрамлённый скалами и холмами, а также шахтными отвалами, похожими под лучами солнца на дюны. С чувством торжества я заметил холм Йовилля, где играл ещё ребёнком. Скорость, с которой двигался поток, машины последних марок, головокружительные развязки, гигантские линии электропередачи и внушительные здания, которые проносились мимо, – всё указывало на то, какие перемены произошли здесь. Я перевёл взгляд с отвалов шахт на небоскрёбы и подумал, что, возможно, ни один другой город мира не связан так наглядно со своими экономическими корнями.

В загородной гостинице, где я разместился, я первым делом нашёл телефон, набрал номер в Лондоне и сообщил на автоответчик о благополучном прибытии. Я знал, что после этого последует звонок из Лондона моим подпольным партнёрам в Йоханнесбурге. Это, в свою очередь, приведёт ко встрече на следующий день. А пока мне нужно было провериться на слежку, с тем, чтобы с наибольшей степенью вероятности убедиться, что я не попал под наблюдение. Самым лучшим способом сделать это было отправиться на длительную прогулку. Этим можно было одним выстрелом убить двух зайцев, то есть ещё и побродить по Йовиллю, по тем местам, где я играл в детстве и которые мне так хотелось увидеть снова.

Отдохнув и одевшись попроще, я взял такси и отправился в Йовилль. Вдали от системы скоростных дорог многие обычные районы Йоханнесбурга выглядели не особенно изменившимися. Постройки на основной улице Йовилля – узкой улице Роки – выглядели почти как и раньше. Трамвайные пути убрали, а вот муниципальный бассейн был на месте. Соседняя спортивная площадка была превращена в парк, но часть окружавшей её стены стояла на том же месте. В течение многих лет на этой стене был написан лозунг «Атака против коммунизма – это атака против вас».

Заплатив таксисту, я вышел около парка. Искусство обнаружения слежки заключается в том, чтобы никогда не оглядываться. Вы должны сами создавать ситуации, которые позволят

³ «Добро пожаловать в Южную Африку» на африкаанс – Прим. пер.

вам естественным образом осматриваться вокруг. Например, остановить кого-то и спросить: «Не могли бы вы подсказать мне, как пройти на улицу Роки?».

Повернувшись в пол-оборота, чтобы быть лицом к лицу с прохожим, я хорошо видел, как отъезжало такси. Парень, которого я остановил, с готовностью ответил: «Это в том направлении, сэр. Это улица, на которой много маленьких магазинчиков. О кей, хей?» Это был знакомый когда-то акцент, нерафинированный носовой говор, звучавший для моих ушей как музыка. Парень мог бы быть одним из моих друзей детства. Он мог бы быть мной.

Я устроился на скамье, чтобы освоиться с людьми в парке. Нужно было обратить внимание на тех, кто появился после меня. Я обнаружил, что мысленно вновь проигрываю футбольные матчи, которые мы играли, когда я был центральным нападающим футбольной команды «Йовилльские парни». Участвовал я и в забегах на беговой дорожке, которая когда-то располагалась по периметру этой самой площадки. В те времена единственными чёрными, которых можно было увидеть в Йовилле или в любом другом белом пригороде, были домашние слуги. Сейчас вокруг было много чёрных, некоторые с детьми. Они грелись на солнце, сидя на скамейках, которые в не столь отдалённом прошлом предназначались только для белых.

Неряшливо одетая женщина с сумками из магазина, нуждаясь в отдыхе, села около меня, тяжело дыша. Затем она пожаловалась как один белый другому: «Как болят ноги. Слава богу. Вы знаете, что по нынешним временам, со всеми этими чёрными вокруг, не всегда можно найти свободное место».

Я сделал ошибку, посмотрев на неё, что побудило её продолжать. Слова быстро полились из неё: «А эти очереди в супермаркете? Столько чёрных! А эта девушка в кассе на выходе? Какая хитрая шикса (чёрная женщина). Что она мне наговорила по поводу сдачи! Где она научилась быть такой сварливой?»

Её появление на сцене не было столь уж нежелательным. Если я находился под наблюдением, то это могло выявить того, кто следил за мной. Но никто не попытался подслушивать, неторопливо прогуливаясь поблизости. Ещё немного послушав о её обидах, я удалился. Но я не мог избежать искушения высказаться в духе домотканой философии моего отца: «Это конечно всё так, мадам, но что, в конечном счёте, мы можем сделать? Мы вместе на этой планете, поэтому живи сам и дай жить другим».

За углом была ортодоксальная религиозная школа, где я учился. Когда-то она была бесспорным центром еврейской жизни. Сейчас она выглядела заброшенной. Я двинулся из делового центра на более тихие окраинные улицы, где любую машину или пешехода, следующего за мной, было бы легче заметить. Я обратил внимание на то, что пышным цветом расцвело множество молельных домов, обслуживающих ультраортодоксальные секты.

Многие из них были переделаны из обыкновенных домов. Я вошёл в один из них. Молодой человек в тёмном пальто и в шляпе, с бородой и бакенбардами (называемыми на идиш «пайяс»), сидел за столом. Я сделал вид, что разыскиваю предыдущего владельца этого дома. После приятного разговора, в ходе которого он спросил, не был ли я baal te shuvah – раскаявшимся евреем, желающим вернуться к пастве – и попробовал обратить меня в свою веру, сказав о «необходимости в эти тяжёлые времена быть уверенным в своей принадлежности», я сказал ему «шalom» и ушел.

На улице было тихо. Моё посещение дома должно было бы привлечь любого, присматривающего за мной. Можно было ожидать, что на противоположном углу улицы шатается какой-нибудь бездельник или другой бездельник стоит на углу. Я в особенности ожидал увидеть молодого человека любой расы, в хорошем физическом состоянии и просто одетого. Мужчину или, возможно, молодую женщину, которые бы избегали встречи глазами и изображали, что они заняты каким-то невинным занятием, типа мелкого ремонта машины или разглядывания витрин. Мимо проехала машина, полная благочестивых евреев. Вряд ли можно было ожидать, что они работают на южноафриканскую службу безопасности.

Я вернулся назад, на улицу Роки. Рассматривание витрин даёт несколько возможностей обнаружить слежку. Зеркала в магазинах и сами стёкла витрин спасали для меня от необходимости оглядываться через плечо.

После того, как этот район перестал быть фешенебельным, он превратился в космополитический с тенденцией к обшарпанности. Солидные магазины для среднего класса по большей части исчезли, уступив место грязноватым магазинам безделушек ручной работы, музыкальным салонам, барам-кафе, клубам и харчевням. Смешанные пары чёрных и белых прогуливались так свободно, будто апартеид никогда не существовал. Йовилль выглядел, может быть, не лучшим образом, но именно он показывал темп распада расовых барьеров.

На углу улиц Роки и Раймонд, в самой непосредственной близости от того места, где я вырос, крутилась разноцветная компания. Похоже, они продавали наркотики. Поблизости уличные мальчишки нюхали клей. Такие места привлекают пристальное внимание полиции. Я решил, что мне пора уходить с улицы Роки.

На улице Раймонд стоял Альбин-Корт, дом, в котором я прожил первые шестнадцать лет своей жизни. Высотой всего в два этажа, но длиной в целый квартал, он выглядел почти как дворец по сравнению с построенными на скорую руку окружающими его домами. Пока я с удовольствием рассматривал его чистые, функциональные линии в архитектурном стиле 30-х годов – которые, конечно же, никому из нынешних обитателей не приходило в голову рассматривать как что-то особенное, на меня нахлынули воспоминания о тех, кто здесь жил.

Я ясно представил себе моего отца и мать, которые жили в квартире на первом этаже. Как и многие другие взрослые в этом доме, они были потомками еврейских эмигрантов, приехавших в Южную Африку на пороге века. Мои дедушки и бабушки приехали из Латвии и Литвы, спасаясь от царских погромов. Наша фамилия, насколько я знаю, происходила от названия еврейского местечка в Литве, называемого Касрилёвка, которая стала широко известной, поскольку упоминается во многих рассказах Шалом Алейхема. Мой дед по отцовской линии, Натан, был одним из первых проспекторов на алмазных разработках в Кимберли. Он вывез свою жену, Сару, в Южную Африку в 1900 году – вскоре после того, как родился мой отец. Мой дед создал алмазный бизнес и позднее стал первым владельцем Альбин-Корта. К тому времени, когда он умер в 1938 году, – в этом же году родился я – он потерял на бирже все деньги.

Мой отец, которого звали Исадор – а проще, Исси, – был сдержанным, аккуратного сложения человеком. Как и большинство мужчин в этом доме, он работал коммивояжёром одной из фабрик. Он одевался консервативно, в костюм и галстук, и всегда носил широкополую шляпу – это был наиболее распространённый стиль того времени. У него был «Плимут» образца 1947 года и иногда, во время школьных каникул, я сопровождал его в «выездах». Я видел, какой тяжёлой была эта работа, когда он разъезжал по пыльным дорогам чёрных пригородов, посещая, главным образом, индийских и китайских владельцев магазинов, которые были основными клиентами фабрики. Именно тогда я увидел перенаселённые лачуги и убогие условия, в которых жили чёрные. У моего отца были хорошие отношения с его клиентами и вежливые приветствия, которыми он обменивался с ними, вызвали у меня чувство гордости за него. Так же, как и большинство его друзей, он непрерывно курил, и его безостановочный кашель за рулём машины тревожил меня. Он умер в 1963 году, вскоре после того, как я покинул страну.

Годы спустя, в изгнании, я встретил секретаря профсоюза коммивояжёров Эли Вайнберга. Он знал моего отца и считал его социалистом. Это удивило меня, потому что отец внешне никогда не интересовался политикой. Эли объяснил, что большинство членов профсоюза были чрезвычайно индивидуалистическими евреями с анархическим темпераментом, которые быстро вспыхивали и столь же быстро остывали и которыми трудно было управлять. Я вспомнил об обитателях Альбин-Корта – любителях игры в покер и азартных игроков на

скачках. «Твой отец прочно стоял на земле и понимал, как правильно вести переговоры с хозяевами предприятий».

Мои бабушка и дедушка по материнской линии, Абрахам и Клара Коэн, жили в одном из домов за углом от Альбин-Корт. Когда моя мать была ещё ребенком, у них была овощная лавка.

Моя мать, Рене, была жизнерадостной брюнеткой с ослепительной улыбкой и хорошей фигурой. В отличие от моего отца, она любила компании и интересовалась в основном материальной стороной жизни. Они хорошо уживались, пока она удерживала в определённых рамках вечеринки, на которых играли в карточные игры рамми и канаста. Когда мой отец встретил её, она работала секретаршей. Позднее, после рождения моей сестры Хилари, она пошла работать на полставки, чтобы помочь семье сводить концы с концами. После смерти моей бабушки Клары дедушка Абе переехал к нам. Он тоже стал коммивояжёром и в отсутствие своей жены, которая была сдерживающей силой, стал самым известным из азартных игроков в Йовилле.

Хотя я был энергичным и несколько неуправляемым парнем, увлекающимся спортом и местными развлечениями, отношение белых к чёрным не прошло мимо моего внимания. Это было во время войны и я постоянно расспрашивал мою мать о судьбе евреев в Европе. Она была простой и во многом даже наивной женщиной. Но когда я проводил параллель между положением евреев в Европе под властью нацистов и тем, как в нашей стране обращались с чёрными, обнаруживалось, что она была готова согласиться. Этот честный ответ на вопрос шестилетнего ребёнка оставил свой след.

Осматривая окрестность, я вспомнил день, когда я с друзьями играл на улице в футбол. Один из мальчиков неприятно поразил меня непристойным замечанием о чёрном прохожем, в которого попал мяч.

– Не ругайся на меня и не называй меня «боем»⁴, – был ответ того человека. – Через 20 лет очень многое изменится в этой стране.

С того времени прошло уже 40 лет. Это предсказание, хотя его исполнение и задержалось, начало, наконец, становиться реальностью.

Большинство моих сверстников из Йовилля – «йовильские ребята», как мы себя называли, – стали специалистами в той или иной области или пошли в бизнес и давно переехали в процветающие северные пригороды. Довольно многие, как, например, Али Бахер – игрок команды «Спринбок» по крикету⁵, стали известными спортсменами.

Многие, не уверенные в будущем страны, присоединились к «утечке мозгов» и уехали за границу. Я подумал, а многие ли из тех, кто остался, были бы готовы помочь мне, если бы я постучался в их дверь...

Я так погрузился в прошлое, что только заметив, как один из нынешних обитателей Альбин-Корта рассматривает меня из окна на втором этаже – там, где жил один из наших ребят, Джек Сильвер, – только в этот момент я пробудился от воспоминаний. Я совсем забыл о другой цели своей прогулки.

⁴ «Бой» (англ. «мальчик») – презрительное обращение белых к африканцам любого возраста в английских колониях.

⁵ «Спринбок» – название сборной ЮАР по любому виду спорта.

Часть первая. Начало, 1938-63 гг.

Глава 1. Бойня в Шарпевилле

21 марта 1960 года. Йоханнесбург

Учёба в начальной Йовилльской школе для мальчиков была очень приятной. Мои спортивные таланты помогли мне получить место в КЕС – средней школе им. короля Эдуарда VII. Хотя это по-прежнему была школа «только для белых», это был совершенно иной мир, нежели тот, в котором я вырос. Йовилльская школа для мальчиков была типичной «асфальто-бетонной» школой для детей из семей с низким достатком. КЕС стремилась к уровню стандартов английских государственных школ. Окружённое деревьями главное здание школы в староанглийском стиле имело башню с часами, которая возвышалась над многочисленными игровыми площадками. Мы носили нарядные зелёные пиджаки с короной, вышитой на грудном кармане, серые фланелевые брюки и, в особых случаях, соломенные шляпы-канотье.

В первый же день небольшая группа ребят из Йовилля, которые были приняты в школу, были осмеяны за то, что пришли в длинных брюках.

– Ясно, что вы – кучка евреев, – сказал нам один из старшеклассников. – Почему бы вам не носить шорты до следующего класса?

Я обнаружил, что элемент антисемитизма укоренился в тех учениках из шахтёрских городов Восточного и Западного Ранда, которые жили в интернате при школе. Их жизнь была убогой, поскольку их заставляли прислуживать и учителям, и старостам классов, и некоторые из наиболее тупых искали любого повода для того, чтобы выплеснуть недовольство своим положением.

Хотя я был в числе лучших на спортивных площадках, особенно в легкой атлетике, я постоянно сталкивался и с учителями, и со старостами. Дело не в том, что я бунтовал осознанно, но я не мог скрыть своего презрения к высокомерному поведению тех, кто имел власть.

Моим любимым учителем был «Бути» Фан дер Рит, который обучал нас языку африканс и тренировал нас в регби. Он был прямым, простым и доступным человеком, поэтому, когда он хлестал нас тростью, мы не особенно обижались. Однажды во время уроков к двери класса, где преподавал Бути, подошёл один из старшеклассников. Поговорив с ним за дверью, Бути вернулся и сказал нам, что парень, с которым он говорил, делает ужасную ошибку, преждевременно покидая школу.

– Он думает, что сможет заработать на жизнь, играя в гольф, – сказал заметно расстроенный Бути.

Имя этого парня было Гари Плейер – впоследствии он стал всемирно известным игроком в гольф.

Директором школы был Сэнт Джон Б. Нитч – угловатый тип с высоким лбом и лысой головой. И учителя, и ученики называли его «Боссом». Вечно угрюмый и в чёрном халате, он напоминал мне средневекового монаха. Когда на богослужениях мы произносили нараспев молитвы, бормоча, «Наш отец там, в раю...», я желал, чтобы наш «Босс» тоже был «там, наверху».

Большинство учителей использовали трость для насаждения дисциплины, но Босс был божьим главным палачом. Рецидивисты вроде меня были хорошо знакомы с процедурой. Он приказывал вам перегнуться через стул в его кабинете, пока выбирал трость из шкафа. Вы слышали, как он со свистом хлестал ей в воздухе, испытывая её на гибкость и настраивая себя.

Первый раз, когда я стал жертвой наказания – за то, что свистнул на только что принятого на работу секретаря школы, – я сделал ошибку, повернувшись, чтобы посмотреть, почему он медлит. Как выяснилось, именно в этот момент он наносил удар в полную силу. Он уже не мог остановить свою руку и я получил удар частично по ногам и частично по рукам.

– Ни с места, – прошипел он, пока я от боли тер руки.

Когда он заканчивал наказание, вам коротко приказывали «выйти вон». Вопросом чести было показать, что вы не напуганы, не издавать ни звука и не показывать, что вам больно.

Если вы возвращались в класс с высоко поднятой головой, то ваши одноклассники смотрели на вас в благоговейном страхе. Порка тростью оставляла шрамы и синяки, которые не сходили неделями. Я обнаружил в столь раннем возрасте, что телесные наказания были неверным способом решать какую-либо проблему. Более того, я понял, что стоически выдерживая наказание, вы выигрывали бой. Вместо того, чтобы быть униженным, вы вызывали восхищение. Это создавало порочный круг между школьной администрацией и мной, поскольку я упрямо стремился показать, что не буду приспосабливаться.

Интерес к учёбе во мне пробудил Тедди Гордон, учитель истории в старших классах. Мой класс был сборищем бездельников, интересовавшихся только спортом. Мы с трудом переползали из класса в класс и изучали географию вместо латыни. Тедди, остроглазый, похожий на птицу, в молодости, во время Второй мировой войны, служил в военно-морском флоте. В нашей школе он считался штатным либералом. Он рассказывал нам о Французской революции и рисовал живые картины страданий крестьян и жестокости аристократов. Для меня параллель с апартеидом в Южной Африке была очевидной.

Указывая на окно, он предлагал нам подумать над тем, какой эффект лозунги Революции могла бы произвести на состоятельных обитателей близлежащего пригорода Хьютон и какое – на жителей чёрных пригородов. Возможно, впервые за всё время учёбы в средней школе я внимал каждому слову.

Во время каникул меня пригласили вместе с несколькими друзьями погостить на ферме одного из наших одноклассников. Его отец был состоятельным «картофельным королём» в районе, который позже приобрел печальную известность тем, что фермеры держали рабочих, поставляемых им полицией, в условиях, сходных с рабскими. Дело не в том, что мы заметили что-то необычное. Это было беззаботное время – купание, игра в теннис, катание на лошадях. Но мы спорили о политике до середины ночи. Когда я вынудил моих друзей признать, что к чёрным относятся плохо, они ответили, что правление белых свергнуть невозможно. Я горячо, возможно, слишком романтично доказывал, что как французские крестьяне поднялись с вилами и серпами, точно так же поднимутся и чёрные южноафриканцы.

После того, как я написал экзаменационную работу «Причины Французской революции», я получил самую высокую отметку в школе и столкнулся с непривычной ситуацией, когда те, которых иронически звали «зубрильщиками латыни», обратились ко мне с вопросом, какие книги я бы рекомендовал им прочитать. Среди «зубрильщиков» был Тони Блум, который стал моим другом и позднее, в качестве председателя компании «Премьер Миллинг» стал одним из «голосов разума» в крупном бизнесе страны. Он входил в первую группу бизнесменов, которая встретила с Оливером Тамбо в Лусаке. Ещё одним был Ричард Голдстоун, который позднее стал судьёй и возглавлял знаменитую Комиссию Голдстоуна, расследовавшую причины политического насилия. Угрюмый, бесстрастный мальчик, он судил мою схватку со старостой школы в его саду.

Я удивил и своих учителей, и себя, получив довольно высокие оценки на выпускных экзаменах. Итак, после многих превратностей я покинул КЕС на высокой ноте, умудрившись даже расстаться по-доброму с «Боссом». Когда я жал ему руку, он выглядел мягче и высказал свое удовлетворение тем, что я получил оценки, дающие возможность поступать в университет. Подозреваю, однако, что он испытывал облегчение оттого, что война между нами, наконец,

закончилась. КЕС был для меня полем боя. Я вышел из неё без чувства обиды, не имея ни против кого зуба, довольно уверенным в себе, готовым к противостоянию власти имущим и с пробуждёнными умственными способностями. Но оттого, что всё закончилось, я чувствовал такое облегчение, что сжёг все свои тетради, за исключением конспектов Тедди Гордона. Через несколько лет они были конфискованы полицией безопасности.

Мой отец был занят тем, что зарабатывал на жизнь, моя мать – свадьбой моей сестры и детьми, которых она рожала. Они надеялись, что я остепенюсь и найду работу, потому что они не имели денег, чтобы послать меня в университет. Я сначала работал учеником по контракту в адвокатской конторе, занимаясь по вечерам в юридической школе. Я надеялся, что юриспруденция сориентирует меня на вопросы судьбы чёрных. Однако учёба показалась мне скучной. Что ещё хуже, мои обязанности клерка заключались в таком достопочтенном занятии, как выбивание долгов в судебном порядке.

Большую часть того, чему я научился, я узнал от Джулая Маришане – рассыльного и так называемого «мальчика для приготовления чая» в этой фирме. Он познакомил меня с официальными процедурами в судах нижнего уровня – как регистрировать судебные повестки и предписания. Однажды он был арестован на расстоянии одного квартала от нашего офиса потому, что забыл свой пропуск. Полицейский отказался разрешить ему сходить за удостоверением личности, которое лежало в ящике его стола. К счастью, мы смогли добиться его освобождения, поскольку один из наших клиентов увидел, что Джулая заталкивали в «чёрный ворон». Иначе он мог бы сгинуть на картофельном поле.

С раннего возраста, приехав из деревни в поисках работы, Джулай работал на нашего хозяина садовником. Он был высоким, неуклюжим человеком и глаза у него широко открывались всякий раз, когда он узнавал что-то новое. В свободное время он выучился читать и писать, и это побудило нашего хозяина взять его в юридическую фирму. Всякий раз, когда бывала свободная минутка, я помогал ему в учёбе. Он надеялся сдать экзамен за неполную среднюю школу. Он не ждал многого от жизни и с уважением относился к нашему боссу, которого характеризовал как доброго и щедрого человека. Я обнаружил в Джулае гуманизм, который позднее увидел во многих чёрных, и это поразило меня как качество, проистекающее из постоянной борьбы за существование. Однажды Джулай сказал мне, что я отличаюсь от других белых.

– Чем? – поинтересовался я.

– Они обычно обращаются к нам, чёрным, с ледяными лицами. Холодными и морозящими. Они делают вид, что мы не существуем.

Иногда мы слышали с улицы пение и скандирование и, глядя из окна нашего офиса, видели демонстрацию жителей чёрных поселков, направляющуюся к городскому муниципалитету. Именно тогда я увидел растущую привлекательность чёрного протеста. Джулай бросал всё, что он делал в этот момент, хватал пиджак и бежал присоединиться к ним. Когда он возвращался, он обычно оживлённо рассказывал мне о том, что произошло.

В центре города часто случалось насилие над чёрными на расистской почве. Оно было особенно очевидным, когда проходили рейды по проверке пропусков. Полицейские в штатском устраивали засады на узких улицах и набрасывались на чёрных мужчин, требуя показать пропуск. Если, как это было в случае с Джулаем, человек не мог предъявить пропуск, его грубо впахивали в стоящий поблизости фургон. Если кто-то протестовал, то появлялись дубинки и чёрных разгоняли во все стороны. Я видел босых уличных мальчишек, просящих милостыню холодными зимними вечерами около кино, и видел, как гогочущие полицейские разгоняли их «сдямбоками» – хлыстами, сделанными из бычьей шкуры. Белые, стоящие в очереди, отворачивались. Даже на международных спортивных соревнованиях, на которых чёрных зрителей загоняли в самый тёмный угол стадиона, полиция нападала на них из-за их нескрываемой поддержки команд гостей. Затем подключались белые зрители, бросая пустые пивные бутылки в

своих чёрных соседей по стадиону. В одной ситуации, когда я ещё был одним из йовилльских ребят, я бессильно наблюдал за тем, как группа белых хулиганов избивала чёрного мужчину до потери сознания, а в это время другие белые спешили пройти мимо. Но то, что я видел лично, было ничем по сравнению с историями, которые иногда появлялись в наиболее либеральных газетах, разоблачая факты гибели людей в камерах полицейских участков и на фермах. О жестокости полиции в чёрных поселках сообщалось редко и с точки зрения большинства белых это происходило как бы на другой планете.

Скоро у меня произошло собственное столкновение с законом. Вместе с кучей других юношей и подростков я был задержан после концерта Билла Хейли «Рок на часах». Захваченные истерией нового музыкального ритма, мы высыпали из здания городского кинотеатра прямо на шеренгу полиции. Я был избит за то, что был поблизости – во мне легко был узнать фаната рока по синим замшевым ботинкам и по причёске – и освобождён, проведя субботу и воскресенье в тюрьме, с подбитым глазом и поврежденным носом. Обвинение против меня было снято, когда я пригрозил подать в суд на арестовавшего меня полицейского за избиение.

Я всё больше разочаровывался в работе, не испытывал никакого удовольствия, когда выписывал повестки за просроченные долги тем, кто не имел денег на товары, приобретаемые в рассрочку – печальная коллекция чёрных и белых семей. Отказ от должности клерка, обучающегося по контракту, означал отчисление из юридического училища. Я уволился из этой фирмы через два года. Меня привлекли более необычные занятия, которые соответствовали моим возрастающим творческим запросам и желанию преодолевать цветной барьер.

Дружба со студентом, изучающим искусство, втянула меня в богемный круг, собиравшийся вокруг общества любителей посидеть в кафе в Хиллбрау – буйном космополитическом районе города. Днём я был клерком у адвоката, а по вечерам и по субботам-воскресеньям слушал горячие споры об искусстве, поэзии, литературе и музыке, потягивая вино в клубах дыма марихуаны, которую курили другие.

Я пробовал «травку», но предпочёл иметь ясную голову. Я начал писать стихи и прозу и скоро начал встречаться с некоторыми творческими личностями из чёрных посёлков.

Чёрные писатели использовали для самовыражения журнал «Драм» («Барабан») и множество артистических талантов вырвалось на сцену, особенно в музыкальной комедии «Кинг-конг». Это были дни разухабистых расовых вечеринок, называемых «джоллами», которые заставляли город гудеть. Если появлялась полиция, то чёрные участники вечеринок хватали прохладительные напитки, потому что подавать им алкогольные напитки запрещалось. Возникали связи, ломавшие цветной барьер, и часто заканчивавшиеся тем, что несчастные парочки арестовывали и обвиняли в нарушении Закона об аморальности, который запрещал половые связи между представителями разных расовых групп.

У меня были приятные, но краткие отношения с певицей, которая изображала из себя домашнюю прислугу, чтобы мы могли тайно встречаться в квартире одного из друзей. Это были моменты нежности, перекрывавшие напряженность от незаконности этих любовных отношений, которые продолжались, пока она не уехала из страны, чтобы продолжить успешную карьеру за рубежом.

В конце 1958 года без работы и поэтому без заботы, с небольшой суммой денег в кармане я отправился из Йоханнесбурга в Кейптаун. Бывают в жизни времена, когда романтические интересы берут верх, и это был один из таких случаев. Я ухаживал за привлекательной участницей общества в Хиллбрау, которая убегала от разорванной связи с одним талантливым художником. Её имя было Пэтси, и она жила с этим художником с пятнадцати лет. Она была маленького роста, непостоянной и на девять лет старше меня. Я выследил её, наконец, в ночном клубе «Салон контрабандистов» в доках Кейптауна. Скоро она показывала мне самый модный английский танец.

Она жила в обшарпанном пансионе, называемом «Край воды», в Бонтри Бей – за много лет до того, как строители занялись превращением этого района в заповедник для миллионов. Владельцами этого пансиона была вечно пьяная парочка ирландцев, чьи кошки заполняли весь дом.

Она подружилась с одним из жильцов, долговязым американцем по имени Ларри Соломонс, который носил поношенные кроссовки и джинсы. Для меня он выглядел так, будто вышел прямо из новеллы Джека Керуака «На дороге», посвященной битникам.

Мы часто ездили по Капскому полуострову, выискивая подходящее место для пикника. Виды захватывали дух: громовой прибой Атлантики на фоне суровых гор. Ларри больше всего любил выкурить порцию наркотика и предаться созерцанию широкого ландшафта.

– До чёртиков прекраснейшее место в мире, – обычно говорил он с восторгом.

Он любил Южную Африку за «три П» – наркотики, политику и людей⁶.

Ларри был на пять лет старше меня и на некоторое время стал моим наставником. Он родился в Германии и был отправлен в Америку к своей тётке незадолго до того, как его родители были арестованы фашистами. Больше он не видел их никогда. Ларри находился в Южной Африке по научной стипендии, изучая рост профсоюзного движения. Скоро он начал давать мне свои книги по Южной Африке и рассказывать мне об американской культуре битников. Он не был марксистом, но едко высказывался об охватившей Америку антикоммунистической фобии и о том вреде, который она нанесла рациональному мышлению. Расистские порядки в Южной Африке не переставали удивлять его. Студент Кейптаунского университета однажды сказал ему, что он только что на своей машине переехал и насмерть задавил «куна». Сначала Ларри подумал, что он имеет в виду енота.⁷ Но когда он понял, что студент бесстрастно говорит о чёрном человеке, то впал в тяжёлую депрессию.

Пэтси имела друзей в Шестом районе – бьющем жизнью цветном⁸ гетто, расположенном на склоне Пика дьявола рядом со Столовой горой.

Мы провели там много выходных в компании Зута и Маам (сокращенное от Мириам) – пары, которая жила в старом коттедже на узкой улице, круто спускающейся по склону. Пока Маам готовила экзотические малайские блюда, Зут скручивал для гостей «золз» (самокрутки с наркотиком). Он покупал марихуану на «Семи ступеньках», знаменитом притоне этого района, который там называли «деревом познания». Зут обожал бренди с кока-колой, поэтому мы брали на себя напитки.

Зут побывал в тюрьме на улице Роланда за хранение краденого. Он поражал меня рассказами о тюремных нравах и о том, как в тюрьме он курил наркотиков больше, чем за её пределами. Среди его друзей были Альф и Айзей, которые, по-видимому, изучали левые политические теории. Альф забавлял нас тем, что любую в мире проблему анализировал на смеси африканерского жаргона, называемого «тсотси-таал»⁹, и высокопарного английского. «*Nou se vir my mense* (африкаанс – скажите мне, приятели), в чём состоит причина? И в чём состоит следствие?» Затем он обычно наклонялся вперед с притворной свирепостью, обнаруживая недостающие зубы, и восклицал: «И в чьих, дьявол, интересах всё это?».

Как и Мириам, Айзей не пил и не курил и был главной опорой для своей семьи. Я встретился с Айзеем Стейном много лет спустя, когда он тоже был политическим изгнанником в Англии. Его сыновья Брайан и Марк Стейны играли в футбол в высшей лиге в клубе «Лутон Таун», а Брайан даже играл за сборную Англии. Айзеем снисся Шестой Район, который к тому времени в рамках апартеидной политики насильственных переселений снесли бульдозерами.

⁶ По английски – pot, politics, people.

⁷ «Сооп» – презрительная кличка африканцев в ЮАР, «гасооп» – енот.

⁸ Цветные – южноафриканское название жителей ЮАР, происходящих от смешанных браков белых с выходцами из Юго-Восточной Азии.

⁹ На африкаанс – «бандитский язык» – Прим. пер.

Маам, темнокожая, и внешне очень женственная, была членом Конгресса цветных – союзника АНК. Однажды после обеда, когда дом был полон едким дымом марихуаны, разразилась паника, когда в дверь постучались. Это были несколько наших друзей по политике. Одной из них была Соня Бантинг, первый коммунист, которого я когда-либо видел.

Ларри купил старый «Фольксваген-Жучок» и собирался уехать в Йоханнесбург, чтобы продолжить там свою исследовательскую работу. У меня тоже появилась возможность получить там работу, и я убедил Пэтси вернуться с нами.

Я начал работать в качестве сценариста в кинокомпании «Альфа-Фильм-Студия». Мы в основном снимали рекламные клипы для кино, для чего требовались хорошие навыки. Мне нравилась эта работа, и через год я получил возможность самостоятельно создавать клипы. Я жил в Хиллбрау в полуподвальной квартире вместе с Ларри, но часто переезжал к Пэтси, которая по-прежнему никак не могла устроить свою жизнь. Она снимала комнату поблизости, над джазовым клубом.

Хотя по стандартам моих родителей и школьных друзей моя жизнь была, несомненно, необычной, мне удалось найти работу и стиль жизни, которые меня устраивали. Но, что было ещё более важно, я жил за пределами узкой, ограниченной предрассудками жизни белой Южной Африки. Я чувствовал, что поскольку мне удалось преодолеть цветной барьер, я был свободной личностью.

Встреча с Робертом Реша и Думой Нокве – двумя лидерами АНК – произошла на вечеринке. Реша попросил меня уделять АНК один час в неделю, но тогда это у меня не получилось. 21 марта 1960 года начался на «Альфе» как спокойный день. Не происходило ничего необычного. Затем Ли Маркус, старшая сценаристка, которая работала на полставки, вошла в отдел с бледным и искажённым лицом.

– Ты слышал о расстреле? – спросила она меня. Её глаза были полны тревогой.

– Не-ет, – ответил я, предчувствуя что-то ужасное.

– Я только что слышала в машине по радио. Десятки африканцев были убиты полицией в Шарпевилле...

И я не успел спросить: «Где это?» как она добавила: «Это чёрный посёлок около Ференхинга».

– Боже! – воскликнул кто-то, – эти ублюдки-любители стрельбы.

Я бродил по территории «Альфы» в гневном состоянии. Затем, чтобы получить более достоверную информацию, настроился на Би-Би-Си. Около полицейского участка в Шарпевилле африканцы устроили демонстрацию против законов о пропусках и были беспричинно скошены пулями: в конечном счёте – 69 убитых и 179 раненых. Жертвами были мужчины, женщины и дети – все безоружные. Многие были убиты выстрелами в спину, когда они убежали. Это вызвало взрыв протестов во всём мире.

Мы слышали и видели военный самолёт-разведчик, гудящий в небе, и это усиливало мой гнев. Чёрные рабочие стояли рядом, что-то серьезно обсуждая между собой. Я подошёл, чтобы выразить соболезнования. Они сказали мне: «Это Южная Африка. Полиция – собаки».

Белые техники нашей студии, мастерские, для которых родным языком был английский или африкаанс, тоже собрались вместе, как будто все чувствовали, что назревает национальный кризис. Они бессмысленно ухмылялись и глумились: «Не беспокойся, приятель, ты будешь в окопах вместе с нами. Мы, белые парни, или утонем, или выплывем вместе».

Глава 2. Движение

Апрель 1960 – июль 1961 года. Дурбан и Йоханнесбург

В те дни, которые последовали за расстрелом в Шарпевилле, я находился в беспокойном состоянии. Один напряжённый спор следовал за другим: внутри семьи, с друзьями и с коллегами. За пределами моего обычного непосредственного окружения мало кто из белых обнаруживал обострённое восприятие происходящего. Общее отношение было следующим: «Мы должны расстреливать из пулемётов как можно больше».

Чёрные рабочие на «Альфе» замкнулись в себя больше, чем когда-либо. Моё чувство опустошённости несколько ослабло, когда они показали мне листовку АНК, в которой осуждался расстрел и содержался призыв к общенациональному протесту и сжиганию пропусков. Это дало мне возможность почувствовать себя частью какого-то дела, направленного на устранение несправедливости. Но я почувствовал себя беспомощным сторонним наблюдателем, когда увидел в газетах фотографии вождя Лутули, сжигающего свой пропуск, после чего он был арестован вместе с тысячами других чёрных. Правительство объявило чрезвычайное положение и запретило АНК и Пан-Африканистский конгресс (ПАК). Я каждый день видел, как сделанные в Англии броневики «Сарацин» мчались по улице в направлении посёлка Александра, где жили чёрные рабочие «Альфы».

Что можно было сделать? Я с ужасом обнаружил, что внутри моего обычного круга общения ответа на этот вопрос не было. К сожалению, Ларри Соломонс в начале года вернулся в США. Единственным изменением было то, что пить стали больше. Я обвинил приятелей в том, что они «занимаются пустяками в то время, когда Шарпевилль и Александра горят». Я понял, что обманываю сам себя: невозможно было вести жизнь свободного и независимого человека, когда зверства, подобные шарпевилльским, могли произойти в любое время. Я чувствовал, что наслаждаюсь роскошью и лишь потакаю своим желаниям. Я корил себя за то, что не отозвался на просьбу Роберта Реши отдавать часть своего свободного времени АНК. Я не знал, как связаться с ним, и предполагал, что он и Дума Нокве, также как и Лутули, были арестованы.

Была Пасха, и я решил взять праздничный отпуск, чтобы съездить в Дурбан к одному из родственников, который был убеждённым коммунистом. Я нуждался в наставничестве со стороны кого-либо, кто бы знал, что делать. Пэтси решила поехать со мной и мы отправились на попутных машинах на субтропический берег океана в провинции Наталь. Мы остановились у одной из приятельниц-художниц, её звали Венди и она жила в квартире-студии на возвышавшихся над гаванью холмах Береа.

Она была взволнована, потому что из Англии прибыла с гастрольями труппа Королевского балета. В первый же после приезда вечер мы с Пэтси оказались на вечеринке в честь артистов балета, организованной в доме одного из наиболее популярных людей местного общества. Шампанское лилось рекой и нас унесло в мир, в который Шарпевилль не мог вторгнуться.

На следующий день, когда мы страдали от похмелья, Венди сказала мне, что один из её соседей был «коммунистом вроде тебя самого». Я немедленно ухватился за шанс познакомиться, что и было сделано в тот же вечер. А между тем события быстро разворачивались. В то утро тысячи людей начали шествие в город из Като-Манора, расползающегося во все стороны посёлка из картонно-жестянных лачуг позади Береа. Их целью было дойти до городской тюрьмы и потребовать освобождения своих руководителей. Подобно реке, они разбились на несколько потоков, чтобы обойти полицейские заслоны. Группа демонстрантов была задержана прямо у наших дверей около спешно сооружённой полицией баррикады.

Это были мужчины и женщины всех возрастов, плохо одетые и в стоптанной обуви, безоружные – за исключением жалкого набора палок, которые несли с собой некоторые мужчины.

А путь им преграждали шеренги полиции, направившие автоматы прямо на них. Люди молчали. Они сохраняли спокойствие и чувство собственного достоинства.

Белые жители этого пригорода спрятались по домам, нервно выглядывая из зарешёченных окон. Двое белых мужчин с пистолетами на поясах с гордым видом вышли на улицу и встали позади полицейской шеренги. Молодой бородатый чёрный, одетый в рваное пальто, вёл переговоры с командиром полицейских, который как башня возвышался над ним. Полицейские в цепи делали бесстрастный вид, но можно было разглядеть, как нервно дергались их пальцы на спусковых крючках. Я начал раздумывать, не присоединиться ли мне к жителям посёлка. Но до того, как я решился, толпа развернулась и мирно направилась обратно в Като-Манор.

Я узнал позже, что белая пара, сочувствующая АНК, сделала то, что я только собирался сделать. Основная группа демонстрантов сумела дойти до городской тюрьмы, где им приказано было разойтись. Эта пара, взявшись за руки, вышла вперёд под полицейские винтовки. Утверждали, что это помогло предотвратить ещё одну бойню.

Соседка Венди, молодая женщина с выразительными серыми глазами, нервничала, потому что её четырёхлетняя дочь застряла по дороге из детского сада. Я успокоил её, отметив, что демонстранты вели себя мирно. Она тоже была поражена шарпэвилльским расстрелом и, как молодая мать, очень тревожилась. Венди представила её как Элеонору. После того, как Элеонора ушла (и это было примером иронии судьбы), я сказал Венди и Пэтси, что она очень хорошенькая. Венди, которая была «голубой», засмеялась и сказала, что она безуспешно домогалась Элеоноры в течение нескольких месяцев. Вряд ли кто-нибудь из нас мог предположить, как тесно моя жизнь будет связана с Элеонорой.

Грэхам Мейдлинген был ещё одним соседом. Он внимательно слушал, когда я излагал свои взгляды. Он спросил, знаю ли я кого-нибудь в, как он его называл, «Движении». Сначала я предположил, что он имеет в виду танцевальную труппу – интересовался ли он Королевским балетом? – но он объяснил: «это коллективное название АНК и его союзников».

Я назвал имя одной из двоюродных сестёр моей матери, Джакелины Арэнштейн, которую я надеялся найти. Она проходила по тому же Процессу о государственной измене в 1956 году, что и Лутули, Мандела и другие. Во время судебных заседаний моя мать носила ей еду.

На следующий вечер Грэхам зашел ко мне.

– Роули, муж Джакелины, сидит в моей машине за углом. Полиция ищет его. Можно его пристроить у вас? Мой дом небезопасен.

Я спросил Венди, которая не возражала, но только на одну ночь.

Грэхам ввел долговязого неуклюжего человека в растрепанном костюме. Это был Роули Арэнштейн, бородатый юрист, который помнил меня десятилетним мальчиком, когда я приезжал в Дурбан с моей мамой. С таким видом, будто он просто зашёл на чашку чая, он поинтересовался её здоровьем и пошутил о её любви к полнокровной жизни. Мы не ложились спать в течение нескольких часов, пока он рассказывал о Движении и о нынешнем кризисе. Он подчёркивал, что чёрное большинство имеет потенциальную мощь, которая может быть реализована через единство и организованность. Он поразил меня предсказанием о том, что правительство Национальной партии не продержится у власти и шести месяцев.

Роули не выказывал никаких признаков усталости и, казалось, мог продолжать беседу всю ночь. Хотя он слегка ошибся в своем предсказании – правительство продержалось ещё более 30 лет, но я никогда больше не встречал кого-либо, кто был бы столь полон желания так глубоко разьяснять ситуацию новичку.

Я сказал, что готов помочь в любой форме. Поскольку я не был известен полиции и поскольку мне доверяли, я сразу же был погружён в самые глубины подпольной борьбы. В течение следующей недели я превратился в его помощника и посыльного – к глубокому сожалению Пэтси, которой я полностью пренебрегал.

После той первой ночи я нашёл ему жильё в доме другого друга. Там в гараже был старый «Форд». Нам было разрешено им пользоваться, но ключ стартера потерялся. Я поразил Роули тем, что завёл машину ключком фольги. Я перевозил записки между ним и Грэхамом и привёз ему парик жены Грэхамы – Валерии Филлипс. Она была известной актрисой, которая послала Гарольду Макмиллану телеграмму протеста против бойни в Шарпевилле. Я возил Роули по ночам в различные надёжные места, где он обсуждал ситуацию с другими, которые так же, как и он, находились «в бегах». На одной из этих встреч он натолкнулся на Монти Найкера и Дж. Н. Сингха, которые были лидерами Индийского национального конгресса. Они громко хохотали над гримом друг друга, и лишь отсмеявшись, перешли к делу.

Меня направили по одному адресу в индийский квартал города, чтобы встретиться с Джеки, но я заблудился. Было темно, улица была забита народом, и поблизости не было ни одного белого. Я забыл название улицы, которую искал, и чувствовал себя неуютно. Я остановил наугад какого-то человека, который после того, как я назвал имя человека, квартиру которого я разыскивал, направил меня в нужную сторону.

Этот человек, г-жа Поннен, была, очевидно, хорошо известна в этом районе, потому что меня проводили прямо до её дверей. Я нервничал, раздумывая, не нарушил ли я каких-либо правил конспирации, спросив незнакомого человека, где она живет. А что, если человек, которого я остановил, уже отправился в полицию, дабы сообщить о странном белом человеке в индийском квартале, который разыскивал её? Эта мысль выбивала меня из колеи.

Когда я постучал, дверь открыла девушка-индуска. За ней следом вышла седая белая женщина лет пятидесяти, с пронзительными глазами и суровым выражением лица. Она поприветствовала меня чрезвычайно холодно и спросила, зачем мне была нужна г-жа Поннен. Когда я сказал ей, что пришел «повидать Джеки», она кивнула и разрешила мне войти, назвав себя г-жой Поннен.

Ещё будучи мальчиком, я был поражён внешностью Джакелины. У неё были длинные чёрные волосы, пронзительные глаза и оливковый цвет лица. Её мать и моя бабушка были сёстрами, поэтому у неё было сильное семейное сходство с моей матерью. Джеки была рада меня видеть, но то, что она непрерывно курила, было признаком напряжённости. Две её юные дочери, такие же темноглазые и задумчивые, как она, играли в квартире. Джеки было интересно узнать, что побудило меня присоединиться к Движению.

Вера Поннен подала чай и внимательно слушала. Как и Джеки, она непрерывно курила. Я узнал, что Вера была «кокни»¹⁰, что она приехала в Южную Африку в возрасте восемнадцати лет и вышла замуж за Джорджа Поннена, одного из профсоюзных лидеров. Джеки была сдержанным человеком и употребляла вежливые выражения, тогда как Вера, в отличие от неё, говорила резким голосом и постоянно бранилась. Её настроение менялось, между приступами кашля, от веселья до гнева. Она прямо заявила мне: «Я стала коммунисткой в возрасте шестнадцати лет. Я дралась с Мосли и его фашистской бандой на Кейбл-стрит. Этой страной управляют фашисты, которые хотели бы, чтобы в войне победил Гитлер. Но я скажу тебе, – тут она зашлась в приступе кашля, – я скажу тебе, что эти поганые ублюдки на этот раз зашли слишком далеко. Африканцы пришли в движение. Они не намерены больше терпеть эту муть».

Джеки передала мне чемодан с бельём для Роули и я уехал, оставив Веру кашляющей в ванной так, будто она собиралась умирать.

Пэтси и я сопровождали Роули в Йоханнесбург, где ему нужно было встретиться с ушедшими в подполье лидерами Движения. Было ужасно холодно, и я убедил его одеться как человеку из богемы Хиллбрау – джинсы и плотный свитер с высоким круглым воротником типа поло. Для Роули, который сбрил бороду и обычно одевался в костюм и галстук, это была хорошая маскировка. В магазине, специализирующемся на персидских коврах, мы получили указа-

¹⁰ «Кокни» – жители Лондона.

ние подождать на углу улицы, около библиотечного сада. В назначенное время около нас остановилась машина, водитель посмотрел на нас, кивнул, и мы сели в машину. Шляпа шофёра была надвинута ему на лицо, воротник пальто был поднят. Я почувствовал, будто я живу в мире одного из фильмов Альфреда Хичкока. Водитель несколько раз нервно посмотрел на Роули, а затем впал в неудержимый смех.

– Боже мой, Роули, – наконец выпалил он, – я подумал, что по ошибке подцепил пару бомжей. Чёрт, я бы никогда не узнал тебя.

Я позже узнал, что водителем был Уолфи Кодеш, ветеран Движения, который нарисовал лозунг Коммунистической партии на стене в Йовилле, когда я был ещё ребёнком. Мы стали друзьями на всю жизнь. Уолфи взял на себя обязанность помогать Роули, а я вернулся обратно на работу в «Альфа Филмз».

Роули познакомил меня с Движением в Йоханнесбурге и я стал членом чрезвычайного комитета Конгресса демократов (КОД), организации белых, которые поддерживали АНК. Все в этой группе были гораздо старше меня, за исключением привлекательной Лули Калинкосс, которая позднее стала специалистом по истории рабочего движения. Я узнал среди них владельца магазина ковров, который с полудюжиной других людей входил в состав группы. Я поначалу не знал их имен и профессий и позднее, когда сошелся с ними поближе, был удивлён, обнаружив, что никто из них не был евреем. Я работал, пребывая в заблуждении, что единственными белыми, которые были озабочены расовым угнетением чёрных, были евреи.

Час в неделю, который Роберт Реша просил меня уделять Движению, постепенно расширялся, захватывая практически всё моё свободное время. Комитет КОД готовил и секретно печатал листовки. Мне было поручено распространять их в районе Хиллбрау. Я вовлёк друзей, и мы таскались по ночам по улицам, засовывая листовки в почтовые ящики и под двери. Листовки требовали освобождения всех арестованных, отмены чрезвычайного положения и замены апартеида демократической системой. В нескольких случаях мы засыпали листовками улицы города с крыш домов. Мы выходили командами, вооружённые кистями и краской, и рисовали лозунги на стенах. Нам следовало соблюдать осторожность, поскольку была велика опасность попасть под арест.

Один из наших был арестован, когда беспечно швырнул листовки в полицейский участок в Хиллбрау. Мы не знали о причине его исчезновения, и я пошёл к нему на квартиру, чтобы разузнать. Его отец открыл дверь и в раздражённом настроении попытался схватить меня. «Во что вы втянули моего сына?», – потребовал он ответа. Я попытался посоветовать ему найти адвоката, но он был намерен всыпать мне, пока его жена звонила в полицию. Я не мог сделать ничего другого, кроме как сбежать оттуда.

Дурбан показался мне пленительным и когда один из клиентов «Альфы» – расположенное там рекламное агентство, предложило мне перейти в их отдел кино и телевидения, я с большой радостью принял это предложение. Мои отношения с Пэтси были напряжёнными. Они то прерывались, то возобновлялись отчасти из-за девятилетней разницы в возрасте, но в большей мере из-за того, что она никак не могла преодолеть свою привязанность к художнику, который бросил её. Я импульсивно предложил ей выйти за меня замуж и когда и семья, и бывшие школьные друзья попытались вмешаться и отговорить меня – по многим причинам, включая тот факт, что она не была еврейкой – я становился всё более твердым в своём решении. Ответ Пэтси не был окончательным, и мы договорились рассматривать наш брак как испытание. Мы поженились в суде магистрата Йоханнесбурга. После типичной вечеринки в духе Хиллбрау мы отправились в Дурбан.

Я нашёл коттедж в том же жилом комплексе, где жили Венди и Грэхам Мейдлингер. Элеонора разводилась и куда-то уехала со своей маленькой дочерью.

Фирма, которая наняла меня, была собственным агентством крупной транснациональной компании-производителя мыла и дезинфицирующих средств. Из нашего кондициониро-

ванного офиса на набережной Виктории в Дурбане мы могли черпать вдохновение, разглядывая через бухту завод, где производились товары.

Я вошёл в группу сценаристов и художников, разрабатывающих рекламные кампании по продвижению товаров. Мой непосредственный начальник, директор по творческим вопросам, приехавший из Англии, обычно говорил: «У меня есть такое чувство в желудочном соке...», перед тем, как решать насколько, на его взгляд, идея была хороша или плоха. Однако, в конечном счёте, решающее значение имело то, в какой мере одобрял идею отдел сбыта на самом предприятии.

С отменой чрезвычайного положения в сентябре 1960 года я начал общаться с многими людьми, которые были в тюрьмах, скрывались или просто отсиживались. Хотя АНК, равно как и ПАК, и Коммунистическая партия, оставались запрещёнными, остальные организации и участники Движения – КОД, Индийский конгресс и профсоюзы – возобновили открытую деятельность. Я подружился со здоровенным африканером Стивом Нелом, у которого была аптека на той улице, где располагалось так называемое «отделение для чёрных» Натальского университета. Чёрные студенты учились в ветхих помещениях, тогда как белые занимались в хороших зданиях на вершине холма. Группа студентов-членов АНК сделала заднюю комнату в заведении Стива своей штаб-квартирой. Среди них были такие лидеры АНК, как Джонни Макатини, который впоследствии представлял организацию в ООН, и Кгалакхе Селло, ученик клерка у Роули, который впоследствии стал членом правительства Лесото. Был среди них и Эрнст Галло, тоже студент-юрист, который жил в семье Стива Нела.

Эрнст был из Кейптауна. Его родителям пришлось побороться за то, чтобы он смог окончить школу, и он продолжал учёбу, изучая юриспруденцию по неполной программе. Как и другие, он был старше меня на несколько лет. Мы стали близкими друзьями. Каждую неделю после работы мы встречались с ним, чтобы идти продавать поддерживающую Конгресс газету «Нью Эйдж», которую доставляли в аптеку Стива.

– Нью Эйдж! Газета борьбы, – выкрикивали мы, обращаясь к рабочим, которые торопились на автобусы и поезда, доставлявшие их в посёлки.

Вера Поннен жила за углом от аптеки Стива. Наконец-то я познакомился с её мужем Джорджем, который находился под арестом. Он был коренастым мужчиной, который был первым профсоюзным организатором среди индийских рубщиков сахарного тростника. Он не торопясь вникал в поставленный ему вопрос, привлекал внимание собеседников пристальным взглядом и после этого давал предельно конкретный ответ. Он любил расслабиться в конце тяжёлого рабочего дня с помощью бренди и кока-колы. Вера, обычно неистовая и боевитая, к этому времени обычно также утихала. На заседаниях КОД, где она иногда имела острые разногласия с Роули, она цитировала «Поннена» – никогда не называя его по имени – и это, с её точки зрения, решало спор в её пользу.

Единственной другой личностью, к которой Вера относилась с почтением, был Мозес Котане, давний лидер Коммунистической партии и АНК, останавливавшийся у Понненов, когда бывал в Дурбане. Я встретил его там в один необычайно холодный день, и увидел их двоих в халатах, с шарфами, повязанными вокруг головы, за чашкой чая. Мне было очень трудно скрыть смех при виде Котане, считавшегося самым опасным коммунистом в стране, выглядевшим как «того» (бабушка из чёрного посёлка).

Редакция «Нью Эйдж» была на Грей Стрит, в суматошном индийском торговом центре. Её возглавлял М. П. Найкер, который пользовался большим уважением. Под его опекой я начал готовить материалы для газеты. Помощником Эмпи, как его все звали, был молодой человек Ибрахим Исмаил Ибрахим, который был из мусульманской среды, о чём свидетельствовало его имя. Имена всех индийских товарищей подвергались сокращению и Ибрахима звали Эбе.

Напротив офиса «Нью Эйдж» находился «Лакхани Чемберс», сырое, похожее на лабиринт пребывавшее в жалком состоянии здание, в котором размещалось множество дышащих

на ладан фирм. На одном из плохо проветриваемых этажей располагались тесные и перегруженные людьми помещения Индийского конгресса Наталя и Южноафриканского конгресса профсоюзов (САКТУ). Это место походило на железнодорожную станцию, поскольку рабочие непрерывно приходили и уходили. Билли Нэйр выделялся как самый динамичный деятель, и он пользовался огромным уважением. Бывали моменты, когда мне нужно было передать ему срочное послание, но если он принимал рабочих, ждавших очереди к нему, то он требовал, чтобы я подождал. Потом он объяснял, что профсоюзный офис – это то самое место, где рабочие должны чувствовать, что они идут первыми. Он любил выпить после работы и я иногда заглядывал вместе с ним в индийский ресторанчик, чтобы опрокинуть стаканчик-другой тростникового спирта – излюбленного напитка индийских рабочих.

Опять начали проводиться собрания. Постоянное место для них под безобидным названием «Социальный центр мужчин-банту» было поблизости. Поскольку большинству членов КОД, включая Роули, Веру и Джеки, в соответствии с Законом о подавлении коммунизма было запрещено выступать на собраниях, делать это поручалось мне. Зал неизменно был переполнен рабочими, находившимися в самом боевом настроении и низкими мелодичными голосами распевавшими на языке зулу революционные песни свободы. «Мы будем стрелять по бурам из пушек», было общей темой этих песен.

Меня представлял на сцене Стефен Дламини, президент САКТУ, который одевался в строгим стиле в костюм с красным галстуком и имел отменные старомодные манеры. Поскольку в задних рядах зала сидела группа офицеров и полицейских из Специального отдела, он объявлял, что не собирается раскрывать моё имя, чтобы не облегчать жизнь полиции. Профсоюзный активист по имени Джерри Кумало выходил, чтобы переводить меня, поэтому Стефен решил окрестить меня Кумало.

Позднее, когда в изгнании я стал писать стихи, я использовал псевдоним «АНК Кумало». После моей речи, однако, некоторые из молодежных лидеров решили дать мне имя «Вука Йибамбе», что на языке зулу означало «тот, кто готов прыгнуть на сковородку».

В том темпе, в котором я жил, было мало времени для семейной жизни. Пэтси не хотела заниматься политикой, и с обоюдного согласия и без всякой обиды она вернулась в Йоханнесбург. Наш брак продолжался шесть месяцев. Мне показалось было, что я не выполнил своих обязательств перед ней, но я был несколько успокоен, когда Вера и Джеки, которые выступали нашими советниками, сказали мне, что наши отношения никогда не выглядели жизнеспособными. По крайней мере мы расстались по-дружески, без дополнительных проблем в виде детей. Пэтси скоро вновь вышла замуж и родила ребёнка, но я никогда больше её не видел.

В конце мая 1961 года доктор Фервурд, главный архитектор апартеида, провозгласил Южную Африку республикой. АНК, возглавляемый Нельсоном Манделой (ушедшим в подполье, чтобы организовывать сопротивление), призвал к трёхдневной забастовке протеста. За несколько недель до этого мы уже работали на всех оборотах, чтобы обеспечить успех этого призыва.

Именно в это время я возобновил знакомство с бывшей соседкой Венди, Элеонорой, которая работала в центре города в книжном магазине. Она родилась в Шотландии, и в Дурбан её привезли ещё ребёнком. Между нами обнаружилось много общего, и скоро Элеонора распространяла листовки вместе со мной. У неё было много либерально настроенных друзей, и это способствовало расширению рядов крошечного КОД.

Перед самой забастовкой, когда мы должны были бы заниматься последними приготовлениями, часть из нас собралась в доме Роули, чтобы охранять его. Его несколько раз угрожали убить и мы получили информацию, что группа убийц вот-вот должна была нанести удар.

Я был в первой смене с Джонни Макатини. В два часа ночи нас сменили, и мы повалились спать в комнате на втором этаже. Только мы закрыли глаза, как в саду началась стрельба, сопровождаемая боевыми криками нашей стороны. Наши люди были вооружены только дубинками.

Выскочив на улицу, я увидел две отъезжающие машины, за которыми гнались наши ребята. Схватив кирпич, я тоже погнался за ними, ободрённый тем, что двигатель одной из машин забарахлил. Хорошо бегая, я вырвался вперёд и в тот момент, когда машина дернулась и начала двигаться, я отправил свой снаряд в заднее стекло. Оно разлетелось. Почти одновременно я попал под огонь пассажира в маске. Я почувствовал жгучую боль в щеке и когда поднял руку к лицу, то почувствовал, как струится кровь. Я сжал кожу и выдернул кусочек свинца – осколок пули, отскочившей рикошетом.

Окна в доме Роули были прострелены. К счастью, потерь не было. Я узнал, что шесть налетчиков с нейлоновыми носками на головах одновременно подошли к передним и задним дверям дома. Седьмой, кравшийся по саду, столкнулся лицом к лицу с Галло, который поднял тревогу. Полиция, которая прибыла на это место через несколько минут, но не смогла задержать убежавших налётчиков, распространила версию о том, что столкновение произошло из-за наших внутренних распрей. Когда утренние газеты вышли с подробным описанием нападения и с сообщением, что «в одного из охранников попала пуля», я позвонил своим родителям, чтобы заверить их в том, что я цел.

Ну, а что касается того, что должны были подумать об этом происшествии мои наниматели, то я смог узнать об этом только после трёхдневной забастовки.

Глава 3. Копьё

16 декабря 1961 года. Дурбан

Трёхдневная забастовка была успешной только частично. Правительство мобилизовало армию и штыками заставляло людей идти на работу. В день провозглашения новой «Республики» небо было затянуто тучами. Белая Южная Африка и правительство Фервурда были осаждены внутри страны и оказались изолированными в международном плане. Насилие, использованное правительством, было важным уроком для освободительного движения. Наши активисты по всей стране задавались вопросом, можно ли расширять борьбу за свободу, используя исключительно ненасильственные средства.

И действительно, после неудачного покушения на Роули я поднял перед Эрнстом вопрос о том, что нам необходимо вооружиться. Как белый человек, я имел возможность получить лицензию на огнестрельное оружие. Моя зарплата позволяла купить его, и скоро я знакомил Эрнста и других с тем, как пользоваться новым пистолетом Браунинг калибром 9 миллиметров.

Моя фотография на первой странице «Натальского Меркурия» и подробное описание нападения на дом Роули привлекли внимание моих нанимателей к моей политической деятельности. Стало также ясно, что Специальный отдел полиции узнал, кто были моими нанимателями, и, как обычно в таких случаях, предупредил их о том, что я был опасной личностью.

Последовали вопросы о моей политической деятельности. Директор по вопросам творчества с пониманием говорил:

– Вы знаете, в Англии есть выражение: «Если в 21 год ты ещё не коммунист, то у тебя нет сердца. Но если в 31 год ты по-прежнему коммунист, то у тебя нет ума».

Директор-администратор агентства также не высказывал враждебности, хотя было ясно, что он озабочен. Из его кабинета, в котором мы обсуждали этот вопрос, он пристально смотрел через бухту на предприятие головной компании. Он напомнил мне о многообещающем будущем, которое я мог бы иметь в фирме. Смущённо откашлявшись, он сказал, что вынужден от имени правления фирмы задать вопрос, являюсь ли я коммунистом.

Я мог ответить немедленно и честно, что не был членом Коммунистической партии.

– Я заинтересован, прежде всего, в демократии в нашей стране. Когда я говорю о демократии, я имею в виду правление народа, для народа и посредством народа. В эти дни постоянно говорят о президенте Кеннеди. Он подчёркивает, что ответ на нынешние мировые проблемы лежит в демократической системе. Пожалуйста, передайте совету директоров, что я хотел бы, чтобы рекомендации президента Кеннеди были осуществлены в нашей стране.

Вскоре после этого я вступил в запрещённую Коммунистическую партию. Вера Поннен подошла ко мне и сказала, что ей официально поручено спросить меня, не хотел бы я стать членом партии. Она говорила об обязанностях и дисциплине, которые членство в ней влечёт за собой, и об опасностях. Она подчёркивала, что смысл членства в партии – служить рабочему классу. Я немедленно ответил утвердительно, поскольку считал большой честью то, что меня пригласили в партию.

Партия, как запрещённая организация, привлекала меня своеобразной мистикой. Было ясно, что многие из наиболее активных и уважаемых членов Движения сочувствовали партии и, возможно, были её членами. Правительство и сверхбогатые явно ненавидели партию, в то время как она пользовалась огромной популярностью среди чёрных, лишённых политических прав. Каждое упоминание о партии, будь то на митингах или в частных разговорах с рабочими, вызывало положительный отклик. Каждое упоминание о Советском Союзе всегда сопровождалось одобрительным рёвом толпы.

В Движение меня привело эмоциональное отвращение к расизму. Моей конечной целью было свержение апартеида. Но скоро я был втянут в дискуссии о том, что последует за ликвидацией расовой дискриминации. Ведь страна страдала от глубокого неравенства и несправедливости задолго до того, как в 1948 году правительство пришло к власти, как правительство апартеида. Капитализм без расовых барьеров, если такой вообще мог существовать, всё равно закреплял социальный раскол и неравенство. Я начал читать марксистскую литературу и с помощью Роули, Эрнста Галло и других начал заниматься чем-то вроде теоретической работы на основе марксизма. Вступив в партию, я попал в одну подпольную организацию с Роули, Верой, Селло и несколькими чёрными рабочими. Мы обсуждали марксистскую теорию и тайно распространяли партийную литературу. Не было никакого заговора с целью получить контроль над АНК или Движением. Подчёркивалась прежде всего необходимость для коммунистов вести за собой личным примером. Стратегия партии заключалась в том, что её непосредственной целью было добиться в союзе с АНК создания демократического государства посредством национально-освободительной борьбы. Это открывало бы возможности для движения дальше к стадии социализма.

Как и все остальные, я признавал ведущую позицию Москвы. На это были исторические причины, относящиеся ещё к социалистической революции 1917 года, которая привела к созданию коммунистических партий во всём мире.

Поражение Гитлера, в которое Советский Союз внес решающий вклад, и впечатляющие социально-экономические достижения, которые преобразили отсталую царскую империю, занимающую одну шестую часть земной суши, укрепляло этот престиж.

Наша партия никогда не критиковала Советский Союз по нескольким причинам. Прежде всего, для нас были достаточными историческая роль и основные достижения Советского Союза на ранних стадиях его существования. Свою роль также сыграли международная политическая и культурная изоляция Южной Африки. Идеологическое развитие нашей партии имело точками отсчёта 1917 и затем 1945 годы. Всё это также подкреплялось особенностями формирования нашего руководства. Белое руководство партии в начале 20-х годов произросло из раннего большевизма. Это затронуло и чёрных лидеров, которые появились в 30-х годах, таких как Мозес Котане, Дж. Б. Маркс и Юсуф Даду. Даже разоблачение Хрущёвым в 1956 году преступлений Сталина не смогло поколебать основных идеологических позиций старой гвардии. Советский Союз сделал ошибки, но они будут исправлены. Это означало, что не было глубокого исследования внутренних противоречий в советской модели, которые позже привели к катастрофе. На моей памяти из старого руководства только Рут Ферст и Джо Слово высказывали в 60-х годах признаки критического отношения.

В июле 1961 года Эмпи Найкер пригласил меня прогуляться по берегу океана. Он конфиденциально сообщил мне, что Движение готовится принять решение об изменении стратегии. Репрессивная политика правительства убедила руководство в том, что одна только ненасильственная борьба не принесёт изменений. Мы были вынуждены ответить революционным насилием на насилие со стороны режима.

– Меня попросили обратиться к тебе, – сказал он под грохот прибоя, разбивающегося о скалы, – чтобы узнать твоё мнение. Не хотел бы ты присоединиться?.

Я стал членом Натальского регионального командования «Умконто ве сизве» (что на языках зулу и коса означало «Копьё нации»: кратко – «МК»). Это имя возвращало к прошлому, к войнам сопротивления британскому и бурскому колониализму. Копьё было символом сопротивления.

Руководителем Натальского регионального командования был Кеник Ндлову, секретарь профсоюза портовых и железнодорожных рабочих. Его борода, очки и страстная манера публичных выступлений вызывали в воображении образ китайского революционера. Заместителем Кеника был Билли Нэйр, и его участие в командовании прибавляло мне уверенности. Ещё

один профсоюзный деятель, Эрик Мчали, физически крепкий и тренированный, казался особенно подходящим для предстоящей работы. Нам нужен был ещё один член командования, и после продолжительного обсуждения мы выбрали новобранца в Движении, который выглядел многообещающе на курсах политэкономики, организованных САКТУ. Это был Бруно Мтоло, полный обаяния и добрых намерений. Для меня тот факт, что он работал электриком и вообще был мастером на все руки, был достаточно убедительным аргументом. Нам должны были понадобиться эти навыки.

Я был единственным, кто не был профсоюзным деятелем. Когда я поинтересовался, почему никто из ведущих членов АНК не вошёл в состав командования, то узнал, что Натальское руководство АНК ещё только обсуждало изменения в политике. Общенациональное руководство, однако, уже дало нам указание приступить к делу и начать набор активистов АНК из чёрных посёлков в местные структуры командования. Членами АНК были только Кеник и Эрик, поскольку в то время только африканцы могли состоять в АНК. Билли и я были членами союзных Конгрессов. Но членство в МК было открыто для всех.

Менее чем через месяц Билли сообщил мне, что мы вскоре должны будем пройти первичное обучение у одного из наиболее выдающихся товарищей в нашем Движении. Он сказал мне, что наш гость воевал с немцами в Северной Африке и что его прозвище было «Пустынная крыса». Мы поехали на небольшую плантацию сахарного тростника неподалеку от Дурбана и собрались во флигеле. Билли ввёл человека в рубашке с открытым воротником и в спортивном пиджаке.

Хотя нам было названо его кодовое имя, я узнал нашего гостя по фотографии с процесса о государственной измене. Это был Джек Ходжсон, один из руководителей «Легиона Спринбок» – антифашистской организации бывших военнослужащих, которая выступала против Национальной партии в первые послевоенные годы. Его подход к занятиям был конкретным и он показывал нам всё, начиная с того, как использовать паяльник, и кончая тем, как растирать химикаты до тонкого порошка.

Он насыпал химическую смесь, содержащую сахарную глазурь, в ложку и осторожно добавил каплю кислоты из пипетки для глазных капель. Порошок воспламенился и мы были поражены как школьники на занятиях по химии. Проблема, конечно, заключалась в том, как добиться того же результата, не добавляя кислоту напрямую. Для этого был необходим какой-то механизм замедленного действия.

Широко улыбаясь, он достал презерватив: «Англичане называют эту штуку французским письмом, а французы – английским пальто. Мы же намерены использовать его для тех целей, для которых ни англичане, ни французы его не предусматривали».

Сначала он насыпал в презерватив чайную ложку химического состава. Затем достал маленькую желатиновую капсулу – такую, в каких обычно содержатся медицинские порошки – и сказал нам, что эти капсулы можно купить в любой аптеке. Открыв капсулу, он влил туда несколько капель кислоты, тщательно закрыл крышку капсулы и опустил её в презерватив. Он сказал нам, что обычно кислота разъедает стенки капсулы за 50 минут, при этом время может быть разным в зависимости от температуры и даже от атмосферного давления. Пока мы ожидали результата, он рассказывал об организации того, что он называл «операция», подчёркивая необходимость тщательного планирования и изучения обстановки перед нападением на цель.

Мы так погрузились в его рассказ, что забыли о презервативе. Вдруг блеснула ослепительная вспышка, сопровождаемая кислым дымом. Было поразительным, сколько взрывной энергии содержалось в чайной ложке этого порошка. «Сорок шесть минут, – отметил наш инструктор, посмотрев на часы, – достаточно времени, чтобы скрыться без хлопот».

Затем мы пошли в поле, чтобы проверить работу механизма замедленного действия на самодельной бомбе. Бомба была ничем иным как стеклянным кувшином, частично наполнен-

ным химической смесью. Презерватив был подготовлен тем же способом. Он был завязан узлом, помещен в кувшин, который был плотно закрыт крышкой.

Мы стояли рядом как гости на вечеринке Гея Фоукса, ожидая начала фейерверка. Я наслаждался видом звёздного неба над нами и моря сахарного тростника, простиравшегося во всех направлениях. Хотя нас для начала была маленькая группа, но я был полностью уверен в успехе нашей миссии.

Пока мы ждали, Джек напомнил нам, что действия, которые мы готовимся предпринять, не должны приводить к ранению или гибели людей. Нашими целями должны были быть неживые объекты.

– Мы посмотрим, как дела пойдут дальше, – сказал он, – но если кто-нибудь из вас знаком с рассказами Дамона Руньона, вам должны быть известны его начальные строки: «Нет в мире лучшего зрелища, чем дюжина мертвых полицаев, лежащих в сточной канаве». Ну, когда полиция ведёт себя как фашисты, я должен признать, что разделяю это чувство.

Билли подшучивал над ним, что он должен высказываться осторожнее, иначе у него будут неприятности с нашим руководством. Тогда я впервые услышал от Джека Ходжсона фразу, которую в последующие годы слышал бесчисленное количество раз: «Ну и пусть меня сожгут в ярком пламени».

Он вновь посерьёзnel и предупредил нас о том, что мы должны придерживаться политики АНК и избегать человеческих жертв. Он отметил, однако, что если правительство будет продолжать нынешний курс, тогда, как это уже было с борьбой в других странах, например, на Кубе и в Алжире, нам придётся «снять перчатки». Я вспомнил Альфа с его «причиной и следствием» и увидел связь между Шарпвиллем и рождением МК. Но намерены ли мы были просто оказать давление на правительство, чтобы заставить его осуществить перемены, или мы хотели свергнуть его? Если последнее, то как? В то время я очень туманно представлял себе эти вопросы. Оглядываясь назад, и исходя из того, что Джек и другие руководители сказали нам, я понял, что стратегия ещё не была отработана до конца. Главным в умах практически всех нас была необходимость нанести ответный удар и этим показать, что режиму апартеида может быть брошен вызов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.